

Джубан
Мулдагалиев

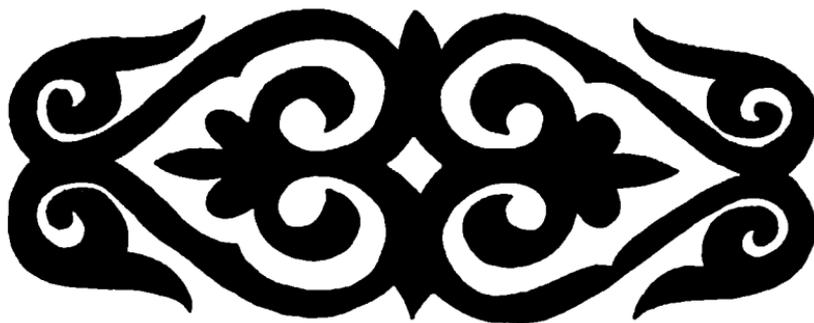
Я-КАЗАХ!

Джубан

Мулдагалиев

Я – КАЗАХ!

**ДЖУБАН
МУЛДАГАЛИЕВ**

Я — КАЗАХ!

поэма

**АВТОРИЗОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД
С КАЗАХСКОГО
В. КОРНИЛОВА**

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1966**

Джубан Мулдагалиев, автор более 25 поэтических книг, изданных на разных языках, родился в 1920 году. Окончил сельскохозяйственный техникум. Осенью 1940 года был призван в ряды Красной Армии. Участник Великой Отечественной войны. Работал в редакциях фронтовых газет.

После демобилизации в 1947 году работал в печатных органах республики. В настоящее время Д. Мулдагалиев секретарь Правления Союза писателей Казахстана.

В поэме «Я — казах!» поэт создал обобщенный, собирательный образ, в котором нашли отражение наиболее характерные черты казахского народа.

Стих поэта конкретен, красочен, насыщен яркими национальными образами, деталями.

I

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я — казашка.
Я — бессмертья мать.
Сердцем я могу всю степь объять.
Как дитя, душой чиста. Мудра,
Как века. Годами им равна.

Я — джигит.
Клинку учен, коню.
Я влюбленным пламенем горю,
Яростью с вулканами сравнюсь
И орла в полете обгоню.

Я — казашка,
Красоты сестра.
Источают мед мои уста.
Полюблю — так до смерти верна.
Как батыр, носила ай-балта ¹.

Я — казах.
Но от кого иду?
Плоть кайсаков? С гушнами в роду?
Говорят, что солнце мой отец.
Нет. Я от рабов свой род веду.

Не было бедней моих племен.
Не простым я правом наделен.
Песни мои — пращуров завет,
А морщины — след лихих времен.

По степям моим неслась беда.
Как солдаты, гибли города.
Отыскать их средь заросших троп
Стоит нам немалого труда.

Современник, погляди на них.
Каждый камень здесь псет, как стих.
Мы находим эти города,
Даже жизнь вдохнуть умеем в них.

Нам века расследовать дано,
Нам века наследовать дано.

¹ Секира.

Их наследье многих тайн полно,
Хоть и в книги не занесено.

Был я темен. Грамоты не знал.
Лишь копые, седло да ветер знал.
Счастлив умереть был на коне,
На коне я бедность забывал.

Неучен был. Но не потому,
Что науки не дались уму.
Просто к свету я пути не знал,
Потому и забредал во тьму.

Лишь позднее догадался я,
Что кругла, как шар, моя Земля,
А быки, что держат, мол, ее,
Вовсе и не чудо, а вранье.

Прозябал века во сне степном,
С Архимедом не был я зныком,
И в неведение я не мечтал
Сдвинуть Землю с места рычагом.

И не ведал я, что был Сократ,
И не знал Гомера, хоть с ним в лад
Песни пел. И сердцем и душой
Был не менее его богат.

Жаль, что запоздали в край степей
Магеллан, Коперник, Галилей.

Может, стали б ярче и светлей
Судьбы дочерей и сыновей.

Тьма не покидала нашу степь,
Как коня, взнуздала нашу степь.
Через семь десятков лет прочесть
Я лишь смог великий «Манифест»!

Поздно я прочел, но вмиг постиг!
И пошел, как к солнцу, — напрямик
К Ленину, к России. Поплл честь
Быть частицей величин таких!

А сегодня кто я?
Гражданин.
Я не темный пасынок, а сын!
И дастаны могут рассказать
О великом имени — казах.

Я — казах!
А ведь еще вчера
Клички жгли меня страшной тавра.
И мои потомки, дети звезд,
Вспомните, что не был путь мой прост.

||

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Чингиз-хан сказал:
— С лица земли
Край сотру, чтоб за скотом брели,
Как рабы. Забвению вас предам
И земле живыми вас предам.

Дважды слов не повторяет хан,
Саблей сразу взмахивает хан.
Сколько сабель степью понеслось
И голов слетало, что волос...

И копыта, точно саранча,
Выжгли край невиданной красы,
И от дыма задыхались псы,
Средь пожарищ жалобно крича.

Кровью отвечал врагам на кровь
И, с коня упав, вставал я вновь,
Словно чудище о ста главах,
Оживал я с кличем на устах:

~Я — казах!—

И, заслышав возглас:

«Я — казах!»,

Хан Тимур впился, как джез-тырнак ¹.

Был Чингиз — шакалом, Тамерлан

Волком был, но я не умер!

Каждый полагал, что он как бог.
Убивал меня — убить не смог.
Только степь мою сжигал дотла
И меня клеймом каленым жег.

Клейма, раны, кровь — так все века.
Плоть моя, как летопись, горька.
Сколько тайн хранит она — смотри,
Но сначала кровь с нее сотри.

И текла по пепелищам кровь,
Кровь и слезы, всюду слезы, кровь.

¹ Мифические девы с медными когтями.

Как тайфун — нашествие джунгар,
И опять над степью вьется гарь.

Потерял свои джайляу скот.
Черной степью ницета бредет,
Не совет себе гнезда орел,
Девушка батыра не найдет.

И была прискорбна и горька
Песнь Асан-кайгы в Сара-Арка.
— Голову, — сказал я, — подними! —
Прерывая вздохи старика.

— Горе, аксакал, не знает дна.
Нужен стяг, и песня нам нужна.
Песню затяни — и подпоет
Скорбная сожженная страна.

В час, как степь под недругом тряслась,
Все молчали, но была храбра
И на Джучи-хана поднялась
Только одинокая домбра.

Кюй¹ велик. Заслышав кюй, тотчас
Молоко верблюдица отдаст.
Если живы лесня, кюй и стих,
Значит, не гришел мой смертный час!

Не богатству — вечная хвала.
И не раю, так твердит мулла, —

¹ Мелодия.

Песне, что потомкам отдадим,
Песне, что от прадедов пришла!

Завещай свободу — нашу цель,
Пусть вовек не знает рабства эль! ¹
Верю, день придет — во всех степях
Скажут: — Он счастливый, он — казах!

Я — казах! Тот самый я казах,
Что от жажды умирал в песках,
Что, сгоняемый с нажитых мест,
Появлялся вновь в других краях.

Защищался от врагов, казах,
И друзей искал во всех краях,
Чтоб джайляу с ними поделить,
Чтоб зимою поделить кистак ².

Я до Яика от Иртыша
И до Волги шел, тоской дыша,
Но при грозном имени «орус»
Полнилась надеждою душа.

И однажды встретились мы с ним.
Дружба — вот кто сердца властелин!
Как гостеприимный дастархан,
Я пред русским душу расстелил.

¹ Страна, народ.

² Зимовка.

III

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

У костров, на всех концах земли,
По ночам беседы мы вели.
— Мысли все прочтешь в моих глазах,
А зовут меня, — сказал, — казах.

Мне трава нужна, нужна вода,
Мне без них на свете нет житья.
А с Кораном — только маета,
Нет, Коран не почитаю я.

Я ценю траву, джайляу, скот,
А Коран — каков с него приплод?

Перед смертью разве что казах
Вспомнит: может, вправду есть аллах...

Верю в землю, в скот, а не в Коран,
Верю солнцу — снадобью от ран.
Доверяю ветру и коню.
Вольность — больше всех богатств ценю.

Я пришел навечно, навсегда
В этот мир, бескрайний как мечта!
Прославляю степь. Меня она
Родила, как Хауа-ана¹.

Щедростью меня дарила степь,
Гордостью меня дарила степь
И радушьем наделила степь,
Крепкой дружбой наградила степь...

Смугловат я ликом, как гора,
В гневе грозен — тут не жди добра,
Но для друга щедр, как дастархан,
Для врага — пустыня, зной, буран.

Обниму — и друг ни жив ни мертв,
Зацелую — сразу дух займет.
В плаче — утешений не хочу,
В счастье — как ребенок хохочу.

Среди птиц — мне сокол по душе,
Красота в его паренье есть,

¹ Ева.

Ползанье ему не по душе,
Хитрость мне не по душе и лезть.

Лебеда люблю и соловья,
Красота и песня — страсть моя.
Но глупа сорока, и урод
Ворон, потому что падаль жрет.

А среди букашек — муравей
Жизнелюбьем мне своим милей.
Дай ему частицу сил моих —
Сколько б этот трудолюб воздвиг!

Косу, серп и палку чабана
Я сжимал в любые времена,
А в степи колодцев я нарыл
Больше, чем на небесах светил.

Мне мила тюльпанов красота,
Сад в степи взрастить — моя мечта.
Радуюсь всегда чужим садам,
Потому что зависть мне чужда.

Я приветлив. В юрте у меня
Не обидят злого чужака,
Лишней злобы нету у меня,
Не убью упавшего врага.

Что богатство? Я не им богат...
Но зато приходу гостя рад.
Не прошу я с гостя за постой,

А прошу я гостя:
— Песню спой!

Прост и верен я, как брат, как сын,
Тем, кто не твердит:
— Я господин. —
Но меня моя же доброта
Палкой ударяла иногда.

Что ж, бывает, встретится казах,
О котором скажешь:
— Взял бы враг!.. —
Отречется от меня такой, —
Не скажу, что стану сиротой!

IV

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я — казах.
Но кем я назван так,
Спорят и толкуют так и сяк,
Говорят, что имени «казах»
На надгробных не найти камней.

Что ж искать меня среди могил?
Сыном человечества я был!
Человечество — оно одно,
Все равно — бело лицом, черно...

Человечество едино. Но
Человечности не всем дано,
И немало было подлецов,
Продававших братьев и отцов.

Дочерей растил я, сыновей,
Средь героев попадался змей, —
Если в ханы, в баи выходил,
Под топор народ свой подводил.

Абылай, Джангир и Кене-хан —
Звери, человечества изъян,
Вспоминать о них неумогу,
Привкус крови чувствуешь во рту.

Заперли они меня впотьмах,
Помогал их подлости аллах.
Понял я: ослепнешь навсегда,
Если не прогонишь их, казах!

Прометей, прикованный к скале,
Я, казах, искал огонь во мгле,
Исатая я сверкал копьём,
Махамбета я звучал стихом:

«Всех хаюв, всех врагов
Хотел лишить голов,
Чтоб быстрее молитв
До неба мчал их рев!

Вдоль Волги лес растет,
Там поселить народ,
По берегам лесным
Пасти хотел свой скот.

А в юрту, что бела,
Ворваться вихрем зла,
Всю изрубить и сжечь!
Пусть кружится зола.

И думал я: кошму
На потники возьму,
Причислю ханских жен
К семейству своему».

И на ханский трон как ураган
Налетал я — трясся ханский стан.
Трепетало под моим копьём
Время, что назвали — Зар-Заман ¹.

Словно в мощный угодил поток,
Ханский стан был к смерти недалек.
Все же устоял благодаря
Черной сабле белого царя.

Трон, готовый рухнуть, ожил вдруг,
Но не ослабел мой гневный дух.
Победить иль пасть я клятву дал.
Примиренья нет.
Одно из двух.

¹ Время-Печаль.

▼

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась мглой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я — казах.
Я — сын России всей.
Я к Неве принес печаль степей,
Я запомнил тюрем голоса,
Звоны петропавловских цепей.

Мать Россия, ласкою даря,
Нагадала мне судьбу не зря.
— От чужих, — сказала, — защиту,
Только не от батюшки-царя.

— Не боюсь, — в ответ ей говорю, —
Верой-правдой я служу царю.
Счастье и богатство он мне даст,
Я государя боготворю.

Был наивным, глупым, может быть.
Бес меня попутал, может быть,
Но — представьте — с верой во дворец
Я пришел о милости просить.

И сказал царю:
— Я твой казах,
Я кочую далеко в степях
И от всех гонений изнемог,
Словно в половодие сурок.

— Хватит, — крикнул царь, — молчи, нахал!
О тебе я сроду не слышал.
— Государь, да это ведь киргиз, —
Кто-то из придворных подсказал.

— Я — казах, — сказал я, — а киргиз —
Родич мой. Возможно, родились
Оба мы от матери одной
И, как ляжку, тянем нашу жизнь.

Горд Манас киргизов, резв Талас.
Земли и мечты одни у нас.
Почему ж господь на небесах
Не открыл вам имени — казах?

— Нет, не будет имени — казах! —
Император закричал, скривясь.
«Ох, и разум невелик у вас», —
Я хотел сказать, да не сказал.

На Востоке велика страна,
Не погост — несметная казна.
Мясо, что жуешь ты, государь,
Сдобрено слезами чабана.

Разве я тебе неверным был?
Разве слабым был мой ратный пыл?
Ты не знаешь,
Знал Наполеон,
Как коня из Сены я поил.

Но с твоим российским мужиком
Мы в соседстве издавна живем,
При его сохе — мои волы,
Вместе пашем, общий хлеб жуем.

И царит меж нами братский дух.
Наши дети говорят на двух
Языках, из них сказанья пьют
И друг к другу часто сватов шлют.

Так Егора дочка, Мариам,
Расцвела к шестнадцати годам,
Приглянулся ей казах Дудар

И запела, как он мил, удал:
«Для тебя я рождена, Дудар»¹.

Церкви и мечети — не для нас,
И небесный и царев указ —
Не для нас. Запреты — не для нас!
С каждым годом крепла наша связь.

Наши бедняки, что скот пасли,
Вновь за Пугачевым бы пошли,
Только бы воскрес!.. И под золой
Прежних дней оружие б нашли.

Пугачева поддержал наш край,
Чтоб идти на твой престол с мечом.
Пугачев — казацкий Исатай,
Исатай — казахский Пугачев.

Знаю, царь, с чего ты так суров.
Ведь тебя страшит созвучье слов:
Я — казах, а Пугачев — казак,
Ты боишься в ножнах двух клинков.

Я — казах. Мой дух — бурану брат,
Пушкин воспевал меня в стихах.
Превратил ты степи в каземат,
Ты как цепи на моих ногах.

¹ Из известной песни «Дударай».

А вот Пушкин славил нашу степь,
Песни пел, чтоб ослабела цепь,
Мне по-братски в душу заглянул,
Сходство душ нашел, родство судеб.

Степь, как море, песнями полна,
С песней в вечность сходят времена,
Песни, как сказанья о Баян
И Козы, — в них столько слез и тайн!

И акын — свободы верный друг —
Понимал домбры волшебный звук.
Над его кибиткою витал
Пугача вольнолюбивый дух.

Дух витал, как буря, не стихал,
Пушкин песню новую слагал.
«Дочь степей, казахская Баян,
Как моя Татьяна», — он сказал.

Кочевал я. Путь мой был тяжел.
Пушкин другом от меня ушел.
Ты его убийца, белый царь,
Ты его до гибели довел.

Другом был мне и Тарас-кобзарь.
И над ним ты надругался, царь,
Спеленал шинелью и погнал
Из отчизны милой на Арал.

«Кровопийца ты, каков был встарь!» —
Подтвердили б Пушкин и Кобзарь.
Грянет буря — кто такой казах,
Ты еще узнаешь, государь!

А пока не ведаешь — ну что ж...
Твой мужик зато со мной хорош.
Глянул в душу, дружит он со мной,
Вместе, сгорбясь, ходим за сохой.

Но ведь с этим русским мужиком,
Как со мной, ты тоже незнаком.
Ты, как шлюха, презираешь нас.
На наречье говоришь чужом.

VI

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась тьмой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я теперь Чокан¹, и я Абай,
Зряч я стал, и прозревает край.
Где добро, где зло — я вижу сам.
— Что нам делать? — слышу голоса.

Слух острей и глаз мой зорче стал,
Знаю я, чего вчера не знал.
Объяснил один мой русский друг,
Кто виновник бед моих и мук.

¹ Валиханов.

Русские слова в мой мозг впились:
Равенство, свобода, декабрист.
Русские ершисты, думал я,
Раз уж ополчились на царя...

Без друзей бы изнемог, зачах,
А друзья помогут и спасут.
Вместе — россиянин и казах —
Песнь о Стеньке Разине поют.

Поднимают стопки, как друзья,
Пьют за то, чтобы взошла заря.
Но бутылку белой разопьют
И увидят белого царя...

Царь, твоих мы милостей не ждем.
Если пьем, на собственные пьем.
Знай, что наши души для тебя,
Точно Арктика, покрыты льдом.

Не ходил к тебе я, алдияр¹,
Это все — воображенья дар,
Это голос мыслей и тревог —
Их один аллах подслушать мог.

Впрочем, для меня что он, что ты —
Два виновника одной беды.
Но бездомный пасынок, казах,
Верит, что дождетя правоты.

¹ Повелитель.

VII

Я — казах!
Встречая смерть в стенах,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась тьмой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Будет буря,
Степь дрожит, чутка:
Топот — будто началась байга¹.
Это начался двадцатый век,
Ураган,
Начало новых веж.

Громом в миллионы голосов
Рос над степью будущего зов.

¹ Скачка.

И, как ливень, убивая зной,
Пятый год пронесся грозовой!

Но зато заря была ясна,
Буре грудь подставила страна.
Радуга цветет над степью, как
От халата пестрого кушак.

Радуга красна. Вот чудеса!
Кто-то знамя поднял в небеса.
Впрочем, чуда никакого нет,
Просто сердцу близок красный цвет.

Нет, не стала радуга другой,
Все блестит цветастою дугой.
Новый век — машины торжество!
По-другому встретил я его.

Все кочую на коне гнедом,
А нередко топаю пешком,
И гудки заводов до поры
Кажутся мне плачем детворы.

Словно волк — гудок страшит коня,
Как Уркварт — пугает он меня.
Взял Уркварт в карман Караганду,
Плачут горы, золотом звеня.

Белый царь, ты черен, как торгаш,
Чужеземцам степь мою раздашь.

Ладно, я кочевник, я дикарь...
Ну, а русского спросил ты, царь?

Миллионы лет — за веком век —
Шли, чтоб с четверенек человек
На ноги поднялся, шел, шагал,
Падал, рос и устремлялся вверх.

Сколько светлых на земле умов:
Ломоносов, Ползунов, Попов,
Менделеев!.. Как светла их мысль!
Разве гении перевелись?

Разве обнищал народ от бед?
Потеряло знамя красный цвет?
Нет! Оно индустрию родит!
Степь с надеждой на него глядит!

Прежде только я стада считал,
Так считал, как будто пульс сжимал.
Но не только палку чабана,
Тяжкий молот нынче в руки взял.

Синюю я выплавляю сталь,
Плетку я джигитам в руку дал —
Наготове держат скакунов...
Каждый вихрем полететь готов.

Вспыхивает пламя мятежа
Из-за пастбищ, из-за дележа

Ста́да. И от юрты, что бела,
Остается черная зола.

«То ли еще будет — пригляди́сь!
Белый царь падет пред нами ниц.
Светлый час освободит нас всех!» —
Эту песню напевает век.

И, полна гудящих новостей,
Этой песне подпевает степь,
И широкой степью слух растет:
Сокол верх над вороном берет!

— Я — казах! — кричу светилу вслед.
— Я — казах! — приветствую рассвет.
Жду, как конь байги, такого дня,
Чтобы клич раздался:
— На коня!

VIII

Я — казах!
Встречая смерть в степях,
Тыщу раз я воскресал, казах!
Опускалась тьмой моя печаль,
Свет сиял, когда мой смех звучал.

Я во тьме изнемогал, ждал дня.
И могучий взрыв встряхнул меня.
И тогда со дна я, полон сил,
Как великий остров к солнцу всплыл.

Я — казах,
И я теперь — Октябрь,
Властелин отныне, а не раб,
Революции бессонный страж,
Ленинских декретов персонаж!

Степь моя — арена битв больших,
Тяжелы, священные жертвы их.
Я — Россия,
Я — Союз Советов,
Я — свободы первый материк!

Вольная держава — Казахстан,
Наконец двадцатый год настал!
С именем — казах — я вышел в степь,
Вольный, словно лев, порвавший цепь.

Пусть пока я беден — не беда!
Главное — моя душа сыта.
Если говорят мне «каз-еке»¹,
Как могу я пребывать в тоске?!

Я — казах,
Я равный сын в семье,
Как Антей, я крепок на земле,
Послан революцией в Москву,
Перед Ильичем стою в Кремле.

Улыбаюсь я — душа чиста,
А на мне рубаха из холста.
Обувь из кошмы, сырой кожух
И волком изодранный треух.

А Ильич хотя велик, но прост,
На меня слегка похож, раскос,

¹ Частица «еке» употребляется в обращении к старшему, подчеркивает уважение.

Он как будто в душу заглянул.
— Здравствуйте! — с улыбкой произнес.

— Хорошо назваться:
«Я — казах!»
Зов свободы слышен в тех словах,
Чтоб сказать: я — русский, я — казах,
Сколько горя, мук снесли и плах.

В имени «казак» — рассвет в степях,
Слышен ветер в имени «казак».
Хватит унижений и невзгод,
Пусть гордится именем народ.

Нелегка по родине тоска.
В эмиграции, издалика
Вспомнишь детство и родную речь,
Песни, что плывут, как облака.

Это я испытывал не раз,
Потому и понимаю вас.
Мне товарищ Джанкельдин-Степнов
Рассказал в Швейцарии о вас.

И в швейцарской слышал я глуши
Песни ваши, исповедь души.
Джанкельдин мне пел — и предо мной
Вереницы ваших дней прошли.

И на этих песенных крылах
Я как будто побывал в степях,

И аккорды Аппассионаты
Чудились мне в том, что пел казах.

Песня, как родник, чиста была,
То гневна, а то была светла,
Как мечта парила в небесах,
И, казалось, скорбь забыл казах.

То шептала языком любви,
То печали плакала свои,
Но орлом взмывала всякий раз
Гордо, не печалась, не таясь.

В песне понял я, что вы — батыр,
И сегодня удивили мир!
На коне с винтовкою в руке
Обрели свободу, каз-еке.

Сходят годы горя и беды,
Пролил кровь свою Амангельды,
Чтобы в отвоеванных степях
О свободной доле пел казах.

Голоден и беден богатырь,
Но зато в свою степную ширь
Колья революции вогнал,
Утвердил земли покой и мир.

Я вождю ответил: — У меня
Три богатства: сердце, скот, земля.

Все я революции отдам.
Что еще, скажите, сделать нам?!

Вождь сказал:

— Крепите вашу власть,
Не позволяйте свет зари украсть,
Воду лить на мельницу врага.
Будет пусть тверда у вас рука!

Голод и разруха душат нас.
Нужен, очень нужен скот сейчас,
Только вера в нашу правоту
Нам сейчас нужнее во сто раз!

Вера в революцию, мечта —
Это, друг мой, поважней скота!
С большевистской верой и огнем
С вами все богатства наживем!

Верным быть идее — высший дар,
Этой цели отдал сердца жар.
Сердце, разум ей отдай, казах,
Чтоб сияла красота в степях!

Нам земля нужна, как мир, как свет.
Без земли народу жизни нет.
Выстрой всех, кто шел за землю в бой, —
Обогнули б сто раз шар земной.

И когда имела бы уста
Кровь, что в тех сраженьях пролита,

Знала б степь, какая ей цена,
Поняла бы, кем сохранена.

С радостью гляжу на вас, казах,
Светится мечта у вас в глазах,
Кочевал народ, раздроблен был,
А ведь смог сберечь души размах!

Если поглядишь на вашу ширь,
Вновь поймешь: народ ваш — богатырь!
Но величье ваше — впереди.
Вы грядущим удивите мир!

Будет край кормить земля сама,
Чудо ждет у каждого холма,
На бегпаке зацветут сады
Вдоль арыков будущей воды.

Там, где только свищет иногда
Перекати-поле, — там тогда
Вырастут большие города —
Памятники нашего труда!

Но превыше всех земных красот
Тот, кто те красоты создает,
Без творца дворцы все и сады
В общем только тень от красоты.

Знает степь своим богатствам счет?
Нет! Предвидеть трудно наперед,

Как народ, что безымянным был,
Через пятилетки расцветет.

Стали все народы рядом, в строй,
Встань и ты, казах, шагай и строй,
Сын отчизны, ты не одинок,
Все народы заодно с тобой!

Брат мой,
Друг,
Товарищ мой, казах!
Побывать бы мне в твоих краях...

Так сказал Ильич, вздохнувши чуть.
Счастье мне переполняло грудь.
И сказал в ответ я Ильичу:
— Я, товарищ Ленин, вам не льщу.
Вы мне указали в счастье путь,
И дорог я гладких не ищу.

Я, измученный царями эль,
Только справедливости хотел,
Сколько я от ханов принял мук!
Только вы меня назвали — друг!

Я ваш друг, пока стоит земля,
До последнего дыханья я
Большевик, солдат, вам предан весь,
Вас пою, куда голос есть.

На века запомним вашу речь
И потомкам повелим беречь.

Да, России — слава и хвала:
Маркса воскресив, нам вас дала!

...О История, я слышу твой
Голос укоризненный:
— Такой
В записях беседы не дошло... —
Ну, а разве петь о ней грешно?!

Сердцем верю — это было так.
Сердцем предан Ильичу казах.
По мандату Ленина живу,
Ленина я вижу наяву.

Он такой, каким был на заре
Революции в том Октябре.
Но с тех пор я возмужал, казах,
На фронтах строительства и в боях.

IX

Я — казах!
Могуч в своих степях.
Возрожден для подвигов казах!
В тыщу первый раз воскрес, чтоб жить
С ленинским призывом на устах!

Жизнью славлю Ленина, душой,
Подвигом, работой и судьбой,
Песней аксакала, соловья,
Языком казахским славлю я.

Голос мой дошел до дальних стран,
Над землей взлетела песнь Баян.
И поет Куляш, поет Джамбул,
Что второй раз молодость вернул.

Время строгий предъявляло счет,
Знал я, счастье не само придет,

Знал я пот нелегкого труда,
Но вставали домны, города!

Пятилеток алые флажки
Я втыкал в курганы, в бугорки.
Я, как первенца, кирпич ласкал,
Как пчела, в цветке я мед искал.

Я Турксибом лег под поезда.
Как составы, я повел мечты.
Я, как шахта, как Караганда,
Открывал души своей пласты.

Крепью в шахты Джебказгана лег,
Медью счастье виделось мне в снах,
Под землей найти сиянье смог,
На Доске почета был казах.

Понял вкус труда и жил трудом,
Падал каплей и возрастал зерном,
По гудку вставал и засыпал,
Сладко убаюканный гудком.

Что за сила, что за чудо — труд!
Даже камни от него цветут!
Я не ведал прежде никогда
Радости высокого труда!

Так я сеял, жил, сады сажал,
Землю орошал и укрывал,
Я был счастлив, как молодожен,
Но нагнал меня тяжелый сон.

Не о годе говорю таком,
Что оставил нас с пустым мешком.
Я о ночи говорю, когда
Мой Сакен ¹ объявлен был врагом...

Ночь — за двадцать лет была одна,
Только как она была черна!..
Но я знал: развеять эту ночь
Ленинская партия должна.

Мой Сакен, горюя над тобой,
Видел степь, омытую зарей,
И четыреста миллионов рук
Подымают землю над собой!

Ширится работ моих размах,
Ведь недаром Ленин мне сказал:
— Солнце на земле своей, казах,
Ты уже навечно прописал!

Счастлив я, как маленькая кыз,
Что идет в наряде дорогом...
Я свою рассказываю жизнь
Кровью, потом, песней и пером.

Я легендами заполнил степь,
Мне подвластны годы и века.
Я —

Казахская республика,

¹ Сакен Сейфуллин — советский поэт и общественный деятель.

Вспомнил я:
«Крепите нашу власть,
Не позволяйте свет зари украсть!»
Тьма на свет пошла, как саранча.
Вспомнил я заветы Ильича.

Треснул пограничный столб в кустах,
Как ребро мое...
Я знал, казах:
Рабство и свобода, жизнь и смерть
Нынче на одних лежат весах.

Для меня страны любая пядь
Дорога, священна,
Словно мать,
Честь любимой, старца седина...
Как могу ее врагу отдать?!

Мирный день вдруг, как мираж, отстал,
Я — в бою! Мне не до мирных дел.
Первый свой экзамен братства сдал
Я в блокадный ленинградский день.

Я — Джамбул,
Чьи песни кличут в бой,
Я — бессмертье павших под Москвой,
Двадцать восемь храбрых — это я!
Я — Маншук, я — Тулуген, Алья.

Как пароль мне эти имена,
Как на фронте, мне в тылу нет сна.

Девять пуль из каждых десяти —
Это дело моих рук, страна.

Нет, не ради славы я тружусь,
И не только в память дедов бьюсь.
Это счастье защищаю я —
Дело Ильича и Октября.

Потому в труде, в огне я весь!
Бьюсь не только за казаха честь,
Я — и русский, я — и белорус,
И за Украину — тоже бьюсь.

Щит они, опора и семья,
Как без них могла бы степь моя
Стать такой республикой? И я
Счастлив, что вокруг меня друзья.

Я — солдат, в бою суров, жесток.
Только слез своих сдержать не мог,
На колени пал, поцеловал
Первый метр земли, что с боем взял.

Нет, я не стыдился этих слез,
Эту радость я в себе донес
До рейхстага. И тогда на нем
Наше знамя красное взвилось!

Вот гремят салюты в честь солдат,
На рейхстаге храбрецы стоят.

Среди тех, кто водружал там стяг,
Кошкарбаев, молодой казах.

Хорошо глядеть с рейхстага вниз:
Шпрее, Бранденбург... И там в золе
Распростерт поверженный фашизм,
Догорает Гитлера скелет.

Не страшился, что воскреснет труп.
Но, свершив свой тяжкий ратный труд,
Я, с победою войдя в рейхстаг,
Расписался на стене — «казах».

Уж теперь не спросят: кто такой?
Слава обошла весь шар земной.
Я слегка робею перед ней,
Ибо не тщеславлен я душой.

Нелегко я славу добывал,
У других ее не отбирал,
Не как гриб вдруг выросла она —
Пóтом вместе с кровью вспоена.

Мой народ страдал в своем краю,
Войны уменьшали жизнь мою.
До небес бы памятник воздвиг
Я тому, кто уничтожит их.

Вот иду я с палкой за скотом,
Гордо, точно с маршальским жезлом.

Деревца лелею, как дитя.
Я — рабочий, и ученый — я.

Но ни пашня, ни завод, ни сад
От меня врагов не заслонят.
Если родине грозит беда,
Буду драться хоть сто лет подряд!

Я — казах!
Могуч в своих степях.
Возрожден для подвигов казах!
В тыщу первый раз воскрес, чтоб жить
С ленинским призывом на устах!

Ленинское имя вновь и вновь
Повторяю, вторит степь со мной,
Сердце радостью опьянено,
Словно в мире выпил все вино.

Ала-Тау в небесах, в снегах,
А предгорья — в бархатных лугах.
Кюй чудесный заиграл оркестр.
Эти звуки поплыли окрест.

Звуки кюя над землей плывут,
И гора присела, как верблюд,

Слушает недвижно, не дыша,
Как моя счастливая душа.

Степь — короткий слог, а — широка!
Выплакали горе в ней века,
И салютом нынче в честь веков
Брызжет степь огнями городов!

Темиртау и Кнетау мощь —
Горы меди, золота, угля!
У подножья их, вокруг юных рош
Тучные джайляу и поля.

А на севере — Сары-Арка!
Ветер, как воскресшая строка
Биржана, пшеницу тербит,
И пшеница серьгами звенит.

Как невеста, радуется степь,
Ненавистных выгнала гостей —
Нет, мотыга-сводня и кетмень
Больше не посватаются к ней!

И когда я степь воспеть хочу,
Обращаюсь сердцем к Ильичу.
А хочу я Ленина воспеть —
Пред собою вижу нашу степь!

Я скажу и через тыщу лет:
Ленин жив!
Я с ним держу совет.

Предсказал расцвет моей степи.
Я за степь пред ним держу ответ:

— Есть, товарищ Ленин, у меня
Знания, счастье, скот, есть и земля,
И со мною — родина моя!
И теперь уж не туземец я.

Надо мной века висел аллах.
В небе нынче — я, аллах одрях!
Нынче трудно удивить меня,
Нынче удивляю я — казах!

Ал-кoныр дословно — песня-мед.
Пел джигит ее любимой кыз,
А теперь в космическую высь
С этой песней старт корабль берет.

Байконур по-русски — щедр, богат,
Нежен, ласков... И теперь — крылат!
Встал в степи, как вышка, Байконур.
На Луну с него я заглянул.

Плоть в моих просторах обрели
Замыслы Эйнштейна и Кюри.
Циолковский жизнь себе вернул.
Вот каков стал нынче Байконур!

Новая казахская весна
В этой колыбели рождена.

Черные казахские глаза
Смотрят в глубь земли и в небеса.

Здесь, ликуя и скорбя, душа
Дважды омывала Каныша¹,
И Сакен был дважды здесь рожден
И навек народу возвращен.

Ты в расцвете сил, мой край степей!
Не кичись и в грудь себя не бей.
Долетишь до всех краев земли
Самой тихой песнею своей.

Песня — словно звон прозрачных рек,
Как серебряный счастливый смех,
Как рассветный шелест нив густых,
Как влюбленного акына стих!

Эта песня, как вулкан, звучит,
Миллионами сердец стучит,
Позывные мужества летят
И не знают никаких преград!

Степь поймешь, когда меня поймешь.
Недругов печалит наша мощь.
Что ж, увидеть радугу нельзя,
Если тряпкой завязал глаза.

Так уркварты на Караганду
Смотрят, а смотреть — неумоготу,

¹ Покойный академик Каныш Сатпаев.

И они распространяют бред,
Будто там угля в помине нет.

Не приснится им чудесных снов,
Пусть им тешит души лживый слог.
Есть у них ли возрожденный край,
Чтоб поспорить с Казахстаном мог?

Был бы — похвалить бы я не прочь.
Я на день не говорю, что ночь.
Я другой, я — Ленина земляк,
Я товарищу готов помочь.

Песня — я для тех, кто нем. Оркестр
Нынче воспевает звездный рейс.
Наполняя гордостью сердца,
По джайляу проплывает песнь.

Одного — не посетит успех,
А с друзьями — ты сильнее всех!
Отовсюду подпевают мне
Русский, украинец и узбек.

XI

Я — казах!
Могуч в своих степях.
Возрожден для подвигов казах!
В тыщу первый раз воскрес, чтоб жить
С ленинским призывом на устах!

Я — казах —
Наследье предков чту,
Чту традиций наших доброту,
На могилах я взращу сады,
Чтобы край отцов стоял в цвету.

Их наследия не отнимай,
Путами мне ног не пеленай,
Не мешай мне путь держать, судьба,
И не заставляй нас ждать тебя!

Светит новизной начало дня,
Больше не оглядываюсь я.
Я — для многих на земле пример,
Отовсюду смотрят на меня.

Приходи — подам кумыс, казы¹.
Я охотник — беркут есть и псы,
Славно погуляешь у меня!..
В степь захочешь — подведу коня!

Но уже не прежний я степняк,
И не надо к имени «казах»
Прибавлять «шылык»². В нем клевета.
Ведь таким я не был никогда.

Попадался, впрочем, всякий сброд,
Что готов был очернить народ.
Темноту и дикость душ своих
Прикрывая прозвищем «шылык»..

От таких «национальных» черт
Я далек. Душой открыт и щедр.
Не отыщешь тьмы в ее углах.
Я поборник честности — казах!

Потому не стану братом тьмы!
Не чванливы, не кичливы мы,

¹ Конская колбаса.

² Оскорбительное прозвище, обозначающее «невежда».

И не станем больше кочевать,
Не наденем на себя чалмы.

Я казах
И плотью и душой,
Жизнью, песней, подвигом, борьбой.
Я не обособлен от друзей,
Остаюсь среди них самим собой.

Другу я скажу,
Что я казах,
Чтобы он уверен был в друзьях,
А врагу скажу,
Что я казах,
Пусть остерегается мой враг.

Род людской, ведь я твое дитя,
Я в твоём фундаменте кирпич!
В эру космоса и Октября
Я воскрес — грядущее постичь!

Не суди счастливица своего,
Что мне солнце дарит свой восход.
Но ведь каждый то, что сеет, жнет,
Даром не беру я ничего.

Стал хозяином судьбы казах!
Это чудо дал мне не аллах,
Ленинская партия дала,
И теперь иду в ее рядах!

Мулдагалиев Джубан

Я — КАЗАХ!

М., „Советский писатель“, 1966, 56 стр.
Тем. план вып. 1967 г., № 310.

Редакторы **Н. А. Ларина, Е. С. Елисеев**

Художник **А. А. Данилов**
Худож. редактор **В. И. Морозов**
Техн. редактор **М. А. Ульянова**
Корректор **Т. И. Воронцова**

Сдано в набор 16/IX 1966 г. Подписано
в печать 14/XI 1966 г. А19005. Бумага
70×108^{1/32}, № 2. Печ. л. 1^{3/4} (2,45).
Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 10 000 экз. Заказ
№ 1581. Цена 12 коп.

Издательство „Советский писатель“,
Москва К-9, Б. Гнездииковский пер., 1С

Типография им. Володарского
Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57